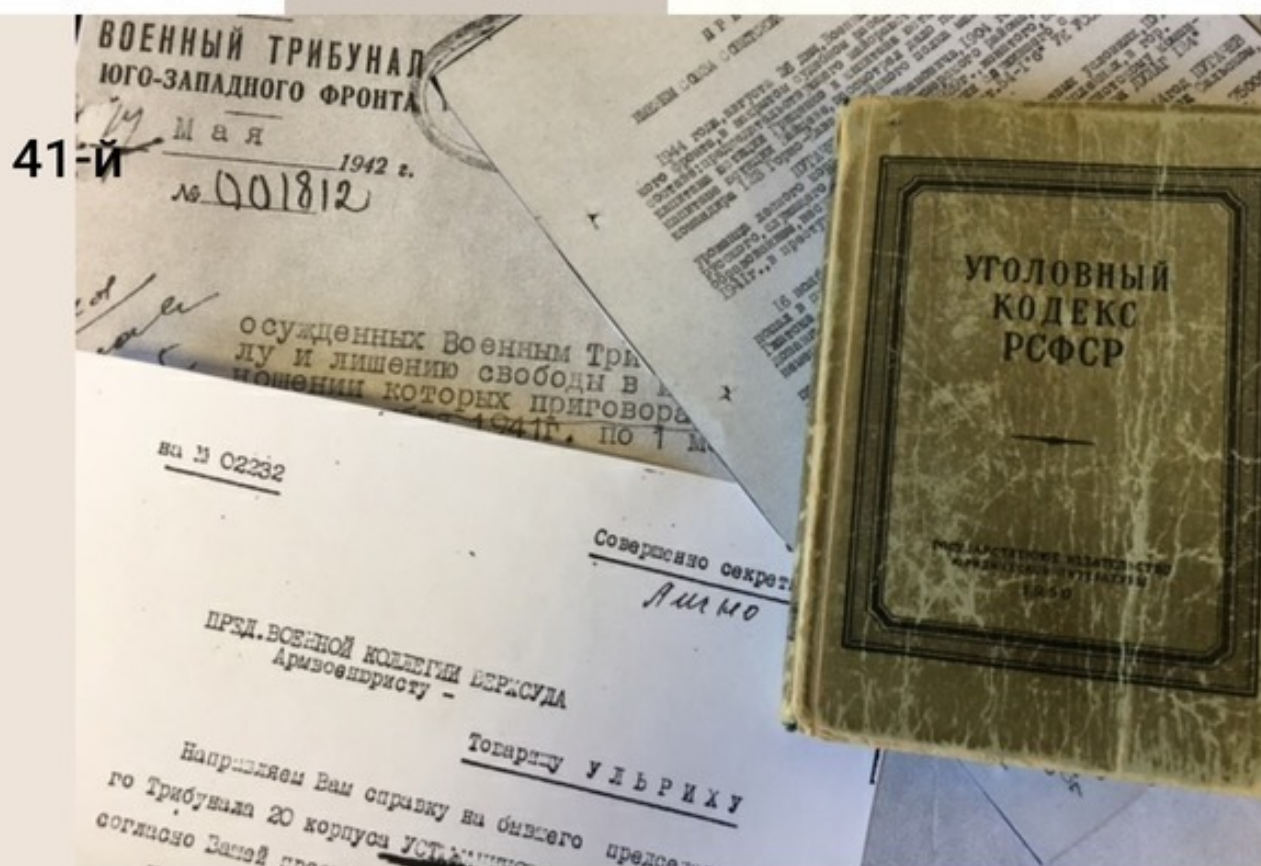

Вячеслав Звягинцев

Трибунал для комдивов

Вячеслав Звягинцев

Трибунал для комдивов. 41-й

«Издательские решения»

Звягинцев В.

Трибунал для комдивов. 41-й / В. Звягинцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837299-5

Имена целого ряда командиров дивизий оказались вычеркнуты из истории и забыты по причине их осуждения трибуналами. В книге на основе архивных следственно-судебных документов рассказаны трагические истории двадцати комдивов, арестованных и осужденных в первые месяцы войны. Практически все они посмертно реабилитированы. А значит — невиновны и имеют право на память — в числе тех фронтовиков, кто принял на себя первые удары Вермахта.

ISBN 978-5-44-837299-5

© Звягинцев В.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
1. «Дайте в руки оружие – и вы еще услышите обо мне»	10
2. Рыцарь неба	16
3. Место расстрела неизвестно	21
4. За сдачу в плен без сопротивления	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Трибунал для комдивов 41-й

Вячеслав Звягинцев

© Вячеслав Звягинцев, 2017

ISBN 978-5-4483-7299-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

1.

В процессе работы над книгой «Война на весах Фемиды»¹, автору удалось обнаружить в ведомственном архиве Управления военных трибуналов статистическую сводку о судимости военнослужащих РККА за первый год войны (с 22 июня 1941 года по 1 июля 1942 года). Она содержала подробные сведения о количестве осужденных бойцов и командиров – с указанием воинских званий, статей Уголовного кодекса РСФСР и назначенных трибуналами наказаний². Эти сведения полностью совпали со статданными, которые позже нашел в подвале Верховного Суда Российской Федерации на улице Воровского, 15 (ныне Поварская)³.

В статистической сводке сначала указывались отдельной строкой лица высшего начсостава – осуждено: генерал-майоров – 12, контр-адмиралов – 1, дивизионных и бригадных комиссаров – 2... Далее шел по нарастающей перечень количества осужденных из числа комбригов, полковников, майоров, лейтенантов, рядовых...⁴

Некоторое время автор полагал, что эти цифры – точные и соответствуют реальной картине. Однако дальнейшее изучение показало, что ни военно-судебная статистика времен войны, ни большинство послевоенных научных публикаций на эту тему (включая исследование группы генерала Г. Ф. Кривошеева⁵) не отражают действительности. Эти цифры – намного ниже реальных.

Причин выявленного несоответствия несколько.

Первая группа причин связана с несовершенством и запутанностью системы статистического учета тех лет. Не все донесения с фронтов своевременно доходили до столицы. Далеко не все арестованные в годы войны, были затем осуждены. Широко практиковались расстрелы без суда и следствия. Так, 16 июля 1941 года правом расправы над нарушителями присяги и изменниками Родины Государственный комитет обороны, по сути, наделил «командиров и политработников всех степеней», а 17 ноября 1941 года право внесудебной расправы получило Особое совещание при НКВД СССР.

Вторая группа причин относится уже к нашим дням. Известно, что в советские времена в результате сокрытия или дозирования информации многие события военных лет (особенно – начального периода войны) оказались искаженными до неузнаваемости. В частности, была вымарана, полностью исчезла из исторических сочинений криминальная изнанка войны.

Завалы исторического бурелома историки начали активно расчищать только в 90-е годы. Но сегодня этот процесс приостановился. Предлагается двигаться в обратном направлении. Как теперь говорят, в тренде – писать в основном о победах и героических подвигах. Но не о допущенных ошибках и серьезных просчетах. Неудивительно, что в этом потоке все чаще звучит мнение об излишней переоценке влияния репрессий на провалы начального периода войны. Некоторые пытаются доказать, что они практически не связаны с трагедией 1941 года.

Ну что тут сказать?

Только лишь то, что военачальники-фронтовики, в том числе маршал Г. К. Жуков, уже давно высказались по этому поводу. И мнение их однозначно – не будь предвоенных репрес-

---

¹ Звягинцев В. Е. Война на весах Фемиды: война 1941—1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М. Терра. 2006.

² Архив Управления военных судов. Рабочая тетрадь №6. «Сведения о судимости за 1941—1958 годы».

³ В те годы в этом здании располагался ведомственный архив Военной коллегии.

⁴ Архив Военной коллегии. Оп.1. д.198.

⁵ Кривошеев Г. Ф. (под редакцией). Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. М. Олма-пресс. 2001.

сий в отношении военных, не было бы и трагедии лета 1941 года⁶. Добавим к этому, что объективность оценок при анализе вопроса о репрессиях напрямую зависит не только от количества репрессированных, но и от учета созданной в армейских кругах атмосферы страха перед репрессиями. Она сковывала инициативу командиров и начальников, лишала их возможности оперативно и без оглядки принимать самостоятельные решения.

Вот, например, что писал ветеран войны П. М. Демидов о причине наших неудач в начале войны: «Все важнейшие политические, военные, хозяйственные решения как в верхних эшелонах, так и на местах принимались в обстановке страха перед возможными репрессиями, которые заканчивались смертью или тюрьмой. Чтобы не стать „врагом народа“, руководители всех рангов командовали на своих местах с оглядкой на „Самого“ и делали то, что он хотел, а не то, что требовало дело, обстановка»⁷. Все это привело к тому, что в 1941 году безынициативностью страдала значительная часть высшего командного состава Красной Армии, поскольку, как отмечал генерал Л. М. Сандалов (в июне 41-го – начальник штаба 4-й армии), «широкая инициатива среди высшего комсостава, как известно, у нас вообще в предвоенное время не культивировалась и не поощрялась»⁸.

Есть у этой проблемы и обратная сторона. Современные историки акцентируют внимание на неэффективности «мотивации ГУЛАГОМ». С этим никто не спорит. Но, с другой стороны, кто знает, как бы сложилась ситуация в 41-м году под Москвой и в 42-м году под Сталинградом, если бы не были изданы крайне суровые приказы №270 Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 года и №227 Наркомата Оборона от 28 июля 1942 года...

Коль зашла речь о причинах, приведших к катастрофе лета 1941 года, надо упомянуть еще одну. Это серьезное отставание командования РККА от реалий времени в вопросах организации управления войсками. И в тактическом отношении, и в вопросах оперативного и стратегического планирования генералы Вермахта были подготовлены лучше и имели большой боевой опыт.

Многие наши командиры находились в плену устаревших представлений о ведении войны, продолжали мыслить категориями Первой мировой и гражданской войн. Так, высшее командование полагало, что главные силы противника вступят в войну не сразу, а после двухнедельного развертывания и проведения приграничных сражений. Маршал Г. Жуков и другие военачальники в своих мемуарах отмечали, что никто из них не рассчитывал, что противник сосредоточит громадную массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день боев компактными группировками на всех стратегических направлениях...

2.

В книге «Трибунал для комдивов» описаны всего два десятка следственно-судебных историй, случившихся за первые полгода войны. Это лишь несколько ранее закрытых страниц из массивного исторического формуляра минувшей войны. Но они наглядно показывают, что наши познания об этой войне до сих пор перемежаются зияющими пустотами и изобилуют «белыми пятнами».

Комдив – это персональное воинское звание лиц высшего командного состава РККА в 1935—1940 годах, полученное в результате сокращения слов «командир дивизии». Поэтому у этого слова существует другое значение. Оно зачастую употребляется применительно к этой должности. В нашей книге термин «комдив» как раз и будет использоваться только в этом

⁶ Так, Маршал Советского Союза А. М. Василевский писал: «Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году (Коммунист. 1988. №9. с.88).

⁷ Демидов П. М. На службе у бога войны. – М. Яуза. Эксмо. 2007.

⁸ Цит. по книге – Рубцов Ю. В. Генеральская правда. Вече. 2012.

смысле. Речь пойдет о тех командирах дивизий (генерал-майорах и полковниках), которые в начальный период войны (во второй половине 1941 года) попали в орбиту военной Фемиды.

Таковых, по подсчетам автора, оказалось намного больше, чем известные статистические цифры, которые сегодня принято считать официальными.

Согласно данным из сочинения Г. Ф. Кривошеева за все годы войны погибли 416 советских генералов и адмиралов, из них расстреляны и посмертно реабилитированы 18.

На самом деле, по подсчетам автора, только за первый военный год (с 22 июня 1941 года по 21 июня 1942 года) было подвергнуто арестам 105 чел., которых по воинскому званию или должности следует относить к высшему командно-начальствующему составу (1 маршал, 72 генерала, 6 адмиралов, остальные – командиры дивизий и высший политсостав; из них 45 чел. приговорили к расстрелу, в т.ч. 34 генерала, 10 чел. умерли в заключении). Причем, надо заметить, этот список далеко не полный. В него не вошли генералы, арестованные до войны, но осужденные в годы войны; генералы, точная дата ареста которых неизвестна (генерал-майоры К. Я. Архипчиков, Я. П. Лиепиныш, А. Н. Крустыныш, генерал-майоры артиллерии В. И. Жилис, Г. Ф. Бреде, И.В. и другие, арестованные летом 1941 г.), а также генералы, заочно осужденные Военной коллегией Верховного суда СССР).

В исследовании группы Г. Ф. Кривошеева ошибочно утверждается, что среди генералов, занимавших должности командиров дивизий, небоевые потери за четыре года войны составили 7 человек. Выходит, что число расстрелянных комдивов еще меньше, так как понятие «небоевые потери» включает не только расстрелянных по суду, но и другие категории военнослужащих (умершие по болезни, в результате несчастного случая и т.п.).

На самом деле генералов-комдивов за годы войны было расстреляно значительно больше. Достаточно сказать, что только за один месяц (!) – в июле 1941 года – трибуналами были приговорены к ВМН и расстреляны комдивы генерал-майоры С. А. Байдалинов, С. Г. Галактионов, Н. М. Гловацкий и С. А. Черных.

Всего же, по данным А. А. Печенкина, в период Великой Отечественной войны погибли и умерли от различных причин 458 генералов и адмиралов. Репрессиям подверглись свыше 90 генералов и адмиралов. Из них 54 чел. погибли (48 – расстреляли, 6 – скончались в тюремных застенках), «что составило почти 12 процентов общих потерь советского генералитета за весь период войны»⁹.

Отсутствие инициативы, страх перед репрессиями и недостаточная подготовка – все это имело место и по делам некоторых комдивов, героев этой книги. В то же время, среди них оказались и наиболее подготовленные в профессиональном отношении командиры, попавшие на скамью подсудимых по воле случая.

Если анализировать судимость командного состава в начальный период войны, то среди совершенных ими преступлений доминировали две статьи УК РСФСР – статья 58—1 п. «б» (измена родине) и статья 193—17 (бездействие власти, а также халатное отношение к службе, повлекшие дезорганизацию подчиненных частей и иные тяжелые последствия).

По статье 193—17 квалифицировались действия командного состава, связанные с провалами при проведении оборонительных и наступательных операций, отступлением и бегством с поля боя, оставлением без приказа боевых позиций и т. п. Нередко таким действиям придавалась контрреволюционная окраска, как это было по делу командира 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова, расстрелянного за «измену родине». Командир вновь сформированной под тем же номером дивизии полковник А. Д. Коротков позже тоже будет расстрелян по приговору военного трибунала как «изменник родине». Подобного рода случаев, когда сменявшие друг друга командиры одного и того же соединения попадали под трибу-

---

⁹ Печенкин А. А. Автореферат диссертации по теме «Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны».

нал, было немало. Например, после осуждения в 1942 году командира 147-й стрелковой дивизии генерал-майора А. А. Вольхина, командиром этой дивизии был назначен генерал-майор Н. А. Москвин. 23 января 1943 года он также был привлечен к судебной ответственности за то, что, получив от командующего армией боевой приказ об овладении населенным пунктом, проявил преступную бездеятельность и потерял управление дивизией.

В настоящей книге упомянуты 20 командиров дивизий, арестованных в первые месяцы войны¹⁰. Из них:

11 – приговорены к ВМН, из которых 8 расстреляны, 1 повешен (И. С. Лазаренко помилован, отсутствуют официальные данные о приведении в исполнение приговора П. С. Козлову);

4 – осуждены к лишению свободы, из них 2 – с отсрочкой исполнения приговора;

5 – дело прекращено.

И последнее. Все 8 расстрелянных комдивов к настоящему времени полностью реабилитированы. И это показательно. Во-первых, такая статистика наглядно показывает градус «эффективности» работы военной Фемиды. А во-вторых, дает основание утверждать, что попадание того или иного комдива в орбиту военной юстиции напоминало рулетку. Привлечение их к ответственности зачастую было делом случая, неблагоприятного стечения обстоятельств. Это могли быть – концентрация на участке обороны дивизии значительных сил противника, низкий моральный дух и существенный некомплект личного состава, выбитого в предыдущих боях. Эти и другие обстоятельства зачастую не принимались в расчет вышестоящим командованием. Играло роль и то, кто был этим командованием...

---

¹⁰ Данные приведены в сводной таблице (см. приложение №1). В нее включены комдивы, арестованные в 1941 г., за исключением арестованных в начале 1942 г. генерал-майора П. Г. Цирульникова и полковника М. Г. Кириллова. Они включены в таблицу, поскольку были осуждены за деяния, совершенные в 1941 году. Цирульников – за то, что «сдался в плен без сопротивления». Кириллов – за то, что «во время боевых действий бросил руководство соединением».

1. «Дайте в руки оружие – и вы еще услышите обо мне»

Герой Советского Союза (1944) генерал-майор Лазаренко Иван Сидорович (1895—1944) – уроженец ст. Старо-Михайловская Кубанской области. Участник Первой мировой войны. Вахмистр, полный Георгиевский кавалер. С 1918 г. в Красной Армии. В годы гражданской войны командовал взводом и эскадроном. Воевал в Испании. Участник советско-финской войны. В 1928 и 1940 гг. награжден орденами Красного Знамени. С января 1940 г. (с даты формирования) – командир 42-й стрелковой дивизии. Арестован 4 июля 1941 г. 17 сентября 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. 29 сентября того же года Президиум Верховного Совета СССР заменил смертную казнь 10-ю годами лишения свободы. 21 октября 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР досрочно освободил от наказания. 24 октября 1943 г. определением военного трибунала 50-й армии судимость с Лазаренко снята. 26 июня 1944 г. геройски погиб в бою в районе деревни Холмы. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно. Реабилитирован 24 февраля 2010 г.

Самым крупным «контрреволюционным» делом в начальный период войны был закрытый судебный процесс Военной коллегии Верховного суда СССР над командующим Западным Особым военным округом Героем Советского Союза генералом армии Д. Г. Павловым и его подчиненными – генерал-майорами В. Е. Климовских (начальник штаба), А. Т. Григорьевым (начальник войск связи) и А. А. Коробковым (командующий 4-й армией).

Об этом деле в последние годы написано достаточно много, опубликованы архивные документы из материалов дела. Поэтому обратим внимание лишь на одну его особенность. Это произвольность выбора виновных. На кого-то надо было срочно возложить ответственность за разгром целого фронта. Поэтому в спешке вместе с Д. Г. Павловым «взяли» тех, кто оказался рядом.

Одним из них и был наш герой – командир 42-й стрелковой дивизии генерал-майор Иван Сидорович Лазаренко.

Необычна судьба этого боевого генерала, прошедшего четыре войны и еще в Первую мировую удостоенного четырёх георгиевских крестов, а после революции – добровольно сдавшего все свои награды в помощь голодающим Поволжья.

Вряд ли кто будет сегодня оспаривать слова начальника штаба 4-й армии Л. Сандалова о том, что генерал Коробков попал под жернова лишь потому, что его армия, несмотря на громадные потери, продолжала существовать и не потеряла связи с штабом фронта: «К концу июня 1941 года был предназначен по разверстке для предания суду от Западного фронта один командарм, а налицо был только командарм 4-й армии. Командующие 3-й и 10-й армиями¹¹ находились в эти дни неизвестно где, и с ними связи не было. Это и определило судьбу Коробкова»¹².

От командиров дивизий, входивших в состав этой армии, налицо оказался генерал И. С. Лазаренко. Это обстоятельство решило его участь.

Для выполнения «разверстки» 2 июля 1941 года в штаб Западного фронта прибыл известный специалист по этой части главный армейский идеолог армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис. А 6 июля он уже телеграфировал о проделанной работе:

«Москва, Кремль, Сталину.

---

¹¹ Генералы В. И. Кузнецов и К. Д. Голубев.

¹² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 725588. Д. 36. Л. 309.

Военный Совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжелое поражение.

Военный Совет решил:

1) Арестовать быв. начштаба фронта Климовских, быв. заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии фронта Клич.

2) Предать суду военного трибуна командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й с. д. Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

Просим утвердить арест и предание суду перечисленных лиц...

7.7—41 г. Тимошенко. Мехлис. Пономаренко»¹³.

В тот же день был получен ответ:

«Тимошенко, Мехлису, Пономаренко.

Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и приветствует эти мероприятия, как один из верных способов оздоровления фронта. 6 июля 1941 г. И. Сталин»¹⁴.

О предании суду военного трибунала военнослужащих из частей Западного фронта, и не только тех, которые упомянуты в телеграмме Л. Мехлиса¹⁵, было объявлено в приказах войскам Западного фронта №№1—5 от 6, 7 и 8 июля 1941 года. В частности, согласно приказу №4 от 8 июня 1941 года «за нарушение присяги, проявление трусости и бездеятельность» суду предавались генералы Коробков, Черных, Лазаренко и Оборин¹⁶...

Генерал-майор И. С. Лазаренко был арестован 4 июля и обвинен в беспечности и бездействии, в результате чего его дивизия оказалась неподготовленной к отпору врага, в крепости остались и были уничтожены «часть войск дивизии, вооружение, продовольственные и вещевые склады».

Прежде чем перейти к описанию и анализу обстоятельств, которые следствие положило в основу предъявленного генералу обвинения, необходимо хотя бы вкратце дать общую панораму драматических событий 22 июня 1941 года, развернувшихся на центральном участке советско-германской границы.

Западный особый военный округ прикрывал ее на протяжении 470 километров — от Гродно до Бреста. На правом фланге были сосредоточены войска 3-й армии, возглавляемой генерал-лейтенантом В. И. Кузнецовым. В центре — 10-я армия под командованием генерал-майора К. Д. Голубева. На левом фланге дислоцировалась 4-я армия генерал-майора А. А. Коробкова¹⁷. В ее состав входили соединения, командиры которых были преданы суду —

¹³ Из текста телеграммы видно, что Мехлис очень спешил — допущены опечатки, перепутана дата отправления.

¹⁴ Телеграмма Мехлиса и ответ Сталина впервые опубликованы — Литературная газета, 22 марта 1989 г. См. также — Анфилов В. А. Как «оправдался» Сталин. Родина №6—7. 1991.

¹⁵ Из числа лиц, упомянутых в телеграмме, были преданы суду и расстреляны 24 июля: начальник отделения отдела укомплектования фронта полковник Кирсанов; инспектор боевой подготовки штаба ВВС фронта полковник Юров; начальник отдела торговли интендантского управления фронта Шейнкин; И.О. начальника автобронетанкового управления полковник Беркович; командир 8-го дисциплинарного батальона майор Дыкман и его заместитель батальонный комиссар Крол; военврачи 2 ранга Белявский и Овчинников, командир дивизиона артополка капитан Сбираник и еще несколько чел. Начальнику топографического отдела штаба округа полковнику И. Г. Дорофееву (1899—1992), участнику многих памирских экспедиций, чудом удалось избежать участи своих сослуживцев. Следствие длилось несколько месяцев, в ноябре 1941 г. дело было прекращено (Военно-исторический журнал, №6, 1999 г., с.19).

¹⁶ Согласно другим приказам предавались суду: инспектор инженерных войск майор Ф. Н. Уманец, который «преступно организовал подрывные работы, не обеспечив безотказности взрыва» моста через р. Березину; командир 188-го зенитного артополка 7-й бригады ПВО полковник Галинский и его заместитель батальонный комиссар Церковников — «за преступные действия, выразившиеся в сдаче врагу материальной части и боеприпасов»; подполковник М. А. Белай и майор Р. Д. Бугаренко из 16-й армии — «за распространение пораженческих настроений».

¹⁷ В состав войск Западного фронта входила также 13-я армия, возглавляемая генерал-лейтенантом П. М. Филатовым. Она была сформирована только в мае 1941 г. Ее полевое управление объединило войска, находившиеся в районе Минска (21-й СК, 50-я СД и др.).

14-й мехкорпус генерал-майора С. И. Оборина со штабом в г. Кобрине и 42-я дивизия генерал-майора И. С. Лазаренко, находившаяся в г. Бресте.

Ранним утром 22 июня на войска ЗапОВО обрушила свою мощь группа немецко-фашистских армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока. Молниеносность первого удара обеспечили организационно входившие в ее состав танковые группы генерал-полковников Гота и Гудериана, а также осуществлявший поддержку группы армий «Центр» 2-й воздушный флот генерал-фельдмаршала Кессельринга. Эти немецкие генералы и явились главными «виновниками» состоявшихся судебных разбирательств.

Дивизия генерала Лазаренко была переброшена в район Бреста весной 1941 года. Соединение насчитывало около 8 тысяч военнослужащих. Части и подразделения дислоцировались в районе Жабинки (459-й стрелковый полк), в Петровичах (472-й артиллерийский полк) и в самой Брестской крепости или в её окрестностях (44-й и 455-й стрелковые полки, без трех батальонов, выведенных из крепости на учения; 158-й автобатальон и другие подразделения).

Кроме того, в крепости располагались части и подразделения 6-й стрелковой дивизии, а также 17-го погранотряда и некоторые другие подразделения (всего более 9000 чел., не считая членов семей командиров). Об этом важно сказать, поскольку пропускная способность крепостных ворот была слишком мала, и, по словам начальника штаба 4-й армии Л. М. Сандалова, «чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа».

По этой причине историки справедливо называли такую дислокацию «брестской мышеловкой».

Приказ командующего фронтом Д. Г. Павлова о приведении войск 4-й армии в боевую готовность и выводе частей из крепости слишком запоздал. Командарм Коробков получил его в 3.30. В нем предписывалось бесшумно вывести из Брестской крепости «пачками» части 42-й стрелковой дивизии. Выполнить этот приказ, переданный через 10—15 минут начальнику штаба дивизии, выполнить было уже невозможно. Вывод частей даже не успели начать.

А. Драбкин и А. Исаев писали: «Едва начальник 42-й дивизии майор В. Л. Щербаков собрал командиров частей для передачи им соответствующих распоряжений, как с другой стороны границы загремели залпы артиллерии XII корпуса. Командира дивизии генерал-майора И. С. Лазаренко разыскать и поставить в известность о полученном приказании до начала войны не удалось¹⁸. Устойчиво работающая после рокового часового перерыва связь теперь использовалась для передачи только плохих вестей. В 4:15—4:20 начальник штаба 42-й стрелковой дивизии В. Л. Щербаков сообщил в штаб 4-й армии, что противник начал артиллерийский обстрел Бреста. Хорошо знавшие крепость офицеры штаба прекрасно понимали, что это означает: мышеловка захлопнулась»¹⁹.

Потери личного состава дивизии были значительными. Большая часть вооружения и техники – уничтожена. Удалось вывести из городка 17-й гаубичный полк в составе двух дивизионов, 7 бронемашин, 3 пушки без снарядов 393-го зенитного дивизиона...

В сложившейся ситуации бойцы и командиры 42-й дивизии были вынуждены отходить на восток разрозненными группами – в направлении Кобрин – Слуцк...

Сразу после ареста генерала Лазаренко следствие предъявило ему обвинение по двум воинским статьям 193—17 п. «б» (халатность и бездействие власти, повлекшие тяжкие последствия) и 193—20 п. «б» (сдача или оставление неприятелю начальником вверенных ему военных сил, совершённые не в целях содействия врагу, но вопреки военным правилам) УК РСФСР.

---

¹⁸ В ходе следствия установлено, что И. С. Лазаренко прибыл в штаб в 4.15.

¹⁹ Подробнее об этом – Драбкин А., Исаев А. Черный день календаря. Яуза, Эксмо. 2013.

Согласно обвинительному заключению, а затем и приговору, командир дивизии И. С. Лазаренко «проявил беспечность, не держал войска в состоянии боевой готовности, в силу чего военные действия застали штаб дивизии и весь личный состав дивизии врасплох и неподготовленными к отпору врага»; в момент нападения «проявил растерянность и бездействие, оставил в Брестской крепости часть войск дивизии, вооружение, продовольственные и вещевые склады»; «вместо принятия решительных мер к организации отпора врагу, самовольно выехал в штаб корпуса для доклада обстановки, оставив в этот ответственный момент сохранившиеся части дивизии без надлежащего руководства»²⁰.

Как в ходе предварительного, так и судебного следствия, И. С. Лазаренко, формально признавая себя виновным в инкриминируемых ему деяниях, по существу давал показания, свидетельствующие о его невиновности. В частности, он неоднократно заявлял, что причинами разгрома дивизия явились не его бездействие и беспечность, а внезапное нападение противника, нанесение им массированных артиллерийских и авиационных ударов. А с нашей стороны – непринятие вышестоящим командованием его неоднократных предложений о выводе частей и подразделений дивизии из крепости.

Установлено, что И. С. Лазаренко после передислокации дивизии в район Бреста, действительно трижды обращался по команде с предложением о выводе дивизии из крепости.

Что касается его отсутствия в дивизии в течение 1 часа в связи с выездом в штаб корпуса (г. Брест), то это было вызвано отсутствием связи и он счёл необходимым лично доложить командиру 28-го корпуса генерал-майору В. С. Белову обстановку и получить от него необходимые распоряжения.

О том, что генерал Лазаренко в первые дни войны вовсе не «проявил растерянности и бездействия», свидетельствуют несколько источников. Можно, например, почитать фронтовые дневники К. М. Симонова²¹, где И. С. Лазаренко упоминается как отважный генерал, с которым писателя свела судьба в июле сорок первого. Или привести отрывок из воспоминаний Л. М. Сандалова, который, к слову, также неоднократно ставил перед командованием округа вопрос о выводе 42-й дивизии из Бреста в район Жабинки: «Под утро (25 июня – авт.) в район Синявки вышли с северо-запада часть сил 42-й дивизии во главе с генерал-майором И. С. Лазаренко... Лазаренко привел с собой несколько сотен мобилизованных военкоматами граждан; значительная часть этих людей были на лошадях...»²².

В ходе допроса генерала армии Д. Г. Павлова, он показал, что им «был дан приказ о выводе частей из Бреста в лагерь еще в начале июня текущего года, и было приказано к 15 июня все войска эвакуировать из Бреста»²³. И далее: «Я этого приказа не проверял, а командующий 4-й армией Коробков не выполнил его, и в результате 22-я танковая дивизия, 6-я и 42-я стрелковые дивизии были застигнуты огнем противника при выходе из города, понесли большие потери и более, по сути дела, как соединения, не существовали».

Генерал Коробков в судебном заседании категорически отрицал, что получил приказ командующего о выводе частей из Бреста. Он прямо заявил судьям: «Я лично такого приказа не видел». Представляется, что не Павлов, а Коробков сказал тогда правду.

Как бы там ни было, но Лазаренко уж точно никакого приказа о выводе из крепости подчиненных ему частей не получал.

Важно отметить, что ни следствие, ни офицеры Генерального штаба, а также военные историки, позже исследовавшие этот вопрос, не нашли свидетельств того, что бойцы дивизии и ее командир панически бежали со своих позиций. Те, кто уцелел после первых массиро-

²⁰ Текст приговора приведен в приложении №2.

²¹ «Разные дни войны» или «100 суток войны», Смоленск, Русич, 1999, с. 352

²² Сандалов Л. М. На московском направлении. М. Наука. 1970. с. 65.

²³ Речь шла о плановом выводе частей в лагерь в связи с наступлением летнего периода обучения.

ванных ударов, продолжали сражаться до конца, умирая с оружием в руках. Даже Д. Г. Павлов, чаще подчеркивавший на следствии недостатки своих подчиненных, о действиях комдива Лазаренко отзывался иначе. Приведем один фрагмент из его показаний в ходе следствия: «На брестском направлении против 6-й и 42-й дивизий обрушилось сразу 3 механизированных корпуса; что создало превосходство противника как численностью, так и качеством техники. Командующий 4-й армией Коробков, потеряв управление и, по-видимому, растерявшись, не смог в достаточной мере закрыть основного направления своими силами, хотя бы путем подтягивания на это направление 49-й дивизии. На 6-ю и 42-ю дивизии на этом же брестском направлении противником была брошена огромная масса бомбардировочной авиации... Остатки 42-й дивизии, правда очень слабые, ...заняли оборону на левом берегу реки Березина. По взрыву мостов мною была поставлена задача командиру 42-й дивизии Лазаренко – в случае появления танков противника и угрозы захвата переправ, все мосты подорвать, что генералом Лазаренко было сделано при отходе наших частей»²⁴.

Разве из этих показаний командующего следует, что Лазаренко паниковал или проявлял растерянность? Наоборот, факты свидетельствуют о том, что генерал всё же вывел из крепости, хотя и с потерями, часть своей дивизии, а также мобилизованных и военнотрудовых других частей.

Тем не менее, «разверстка» Л. Мехлиса оказалась важнее реальных фактов. Результаты следствия уже были predetermined. Это просматривается по всем делам, заведенным в те дни в отношении командиров Западного фронта.

17 сентября 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла генерал-майору И. С. Лазаренко обвинительный приговор, согласно которому он лишался воинского звания «генерал-майор» и подлежал расстрелу. Однако приговор не был приведен в исполнение. Для того времени – это уникальный случай.

В надзорном производстве Главной военной прокуратуры по делу И. С. Лазаренко имеется справка, составленная военным прокурором Ежовым, согласно которой 29 сентября 1941 года Президиум Верховного Совета СССР заменил Лазаренко высшую меру наказания 10-ю годами лагерей.

Из тюрьмы осужденный Лазаренко был этапирован в исправительно-трудовой лагерь, расположенный в Коми, где провел более года.

21 октября 1942 года бывший комдив был досрочно освобожден из заключения, восстановлен в прежнем воинском звании и направлен на фронт.

В то время, учитывая острую нехватку опытных командиров, на основании постановлений Государственного Комитета Оборона и персональных решений Президиума Верховного Совета СССР в действующую армию возвратили многих узников Гулага – более 157 тысяч заключенных. Среди них – несколько генералов, включая И. С. Лазаренко²⁵.

Находясь в заключении И. С. Лазаренко, написал несколько прошений в различные инстанции. В одном из писем есть такие слова: «Освободите меня. Дайте в руки оружие – и вы еще услышите обо мне»²⁶.

И о нем слышали. Он показал себя храбрым воином и талантливым командиром.

И. С. Лазаренко прошел несколько должностей, прежде чем ему вверили 369-ю стрелковую дивизию 2-го Белорусского фронта. Ровно через год после освобождения – 24 октября 1943 года – судимость с генерала была снята военным трибуналом 50-й армии по ходатайству К. К. Рокоссовского.

---

²⁴ ЦА ФСБ, архивно-следственное дело Павлова, л/о-24000.

²⁵ Военно-исторический журнал. №1, 1991, с.20.

²⁶ На сайте – <http://brestfortress.blogspot.com/>.

В Могилевской операции дивизия и ее командир проявили себя героически. 23—25 июля 1944 года бойцы, руководимые генералом Лазаренко, прорвали сильно укрепленную оборону противника, форсировали реки Проня и Бася и с боями продвинулась на 25 километров, нанеся врагу большой урон. 26 июня 1944 года Иван Сидорович погиб в бою в районе деревни Холмы. Звание Героя Советского Союза ему присвоили уже посмертно. А вот реабилитировать Героя «поленились».

В упомянутой справке Главной военной прокуратуры, написанной Ежовым в 1980 году, сказано: «Изучением уголовного дела установлено, что Лазаренко был привлечен к уголовной ответственности необоснованно. Однако учитывая, что в последующем Президиумом Верховного Совета СССР он был помилован, восстановлен в правах и в воинском звании, от него и его родственников жалоб не поступало, а в 1944 г. он погиб, полагал бы настоящее уголовное дело в надзорном порядке не пересматривать и возвратить его для хранения в архив». С такой позицией, учитывая к тому же, что судила Лазаренко Военная коллегия, а судимость с него снимал нижестоящий трибунал, автор не согласился. О чем и написал в книге «Война на весах Фемиды», изданной в 2006 году. Это побудило родственников генерала обратиться в 2009 году в Главную военную прокуратуру с заявлением о реабилитации И. С. Лазаренко. И при этом, как мне сообщил внук генерала, ему пришлось использовать книгу «Война на весах Фемиды» для обоснования необходимости реабилитации деда.

Главная военная прокуратура при рассмотрении заявления о реабилитации запросила мнение Института военной истории. В экспертном заключении было сказано: «Действия командира дивизии генерал-майора Лазаренко И. С. не входили в противоречие с требованиями действующих в тот период руководящих документов, соответствовали обстановке и полученным от штаба корпуса приказанием».

24 февраля 2010 года Президиумом Верховного Суда России приговор Военной коллегии от 17 сентября 1941 года в отношении И. С. Лазаренко был отменен и производство по делу прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Звонок от внука генерала со словами благодарности за помощь вселяли уверенность, что эту работу надо продолжать.

Несколько писем после выхода книги «Война на весах Фемиды» автор получил и от детей генерал-майора авиации С. А. Черных.

2. Рыцарь неба

Герой Советского Союза (1936 г.) генерал-майор авиации Черных Сергей Александрович (1912—1941) – уроженец Нижнего Тагила. В армии с 1930 г. В конце 1936 г. – начале 1937 г. в качестве командира звена участвовал в боевых действиях в Испании. Сбил 5 самолётов лично, два – в группе. Перед Великой Отечественной войной окончил академию Генерального штаба и возглавил 9-ю сводную (смешанную) авиационную дивизию. Арестован 8 июля 1941 г. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 28 июля 1941 г. к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 16 октября 1941 г. Реабилитирован в 1958 г.

Среди генералов, упомянутых в телеграмме Л. Мехлиса во время его инспектирования Западного фронта, числился командир 9-й смешанной авиадивизии генерал-майор авиации Сергей Александрович Черных. Его дивизия по итогам довоенных инспекций считалась одной из лучших в округе. А самого командира, воевавшего в Испании под псевдонимом «Гарсия», испанцы называли «рыцарем неба». Тогда, в конце 1936 года, Сергей Черных был еще лейтенантом. Он воевал в составе 61-й истребительной авиаэскадрильи, командовал авиационным звеном добровольцев. На момент возвращения из Испании на боевом счету С. А. Черных было около 90 боевых вылетов. В воздушных боях он сбил 5 самолётов лично и 2 – в группе. В том числе, ему первому из советских летчиков удалось на своем И-16 сбить новейший немецкий «Мессершмитт» Bf.109В²⁷. И звание Героя Советского Союза за воинские подвиги ему, вместе с десятью другими военными летчиками, тоже было присвоено впервые в СССР. Указ состоялся 31 декабря 1936 года. Решением правительства лейтенанту выделили автомобиль. Он стал депутатом Верховного совета СССР. За пять лет дорос до генерала. Успел закончить перед войной академию Генерального штаба и возглавить одну из лучших в стране авиадивизию.

Взлет воздушного аса, как видим, оказался очень стремительным. «Причиной таких молниеносных возвышений, как его, – писал К. Симонов о своем литературном герое генерал-лейтенанте авиации Козыреве, – были безупречная храбрость и кровью заработанные ордена. Но генеральские звезды не принесли ему умения командовать тысячами людей и сотнями самолетов»²⁸. Те же слова можно отнести и к генералу Черных. Как впрочем, и к большинству других молодых генералов-авиаторов, которых подняли на гребень карьеры, в том числе и волны массовых репрессий. Единственное, что не успел С. А. Черных сделать за годы своего служебного взлета, так это набраться необходимого практического опыта управления соединением. Данное обстоятельство сыграло в его судьбе роковую роль. Первая растерянность оказалась последней...

Есть выражение «от любви до ненависти – один шаг». Этот шаг Вождь сделал как раз накануне войны, когда НКВД во исполнение его воли начало фабриковать очередное крупное дело о заговоре героев-авиаторов. Война внесла в эту работу коррективы, но не стала поводом для остановки репрессивного конвейера.

Сегодня известно, что и после 22 июня органы госбезопасности продолжали методично истреблять командные кадры Красной армии, обескровленной не только довоенными репрессиями, но теперь уже и гигантскими потерями первых боев.

Первая военная неделя (в сравнении с последней предвоенной) оказалась еще более обильной на аресты высшего командного и начальствующего состава. 22 июня был арестован генерал-лейтенант Р. Ю. Клявиныш, 23 июня – генерал армии К. А. Мерецков²⁹, 24 июня – гене-

---

²⁷ Захаров Г. Н. Я – истребитель. М., 1985.

²⁸ Симонов К. Живые и мертвые. Книга 1. М. Художественная литература. 1989. с. 51.

²⁹ Постановление об аресте К. Мерецкова было оформлено задним числом – 5 июля 1941 года.

рал-лейтенант авиации П. В. Рычагов, генерал-майор И. Х. Паука, 25 июня – генерал-майор А. Н. Де-Лазари, 27 июня – генерал-лейтенанты авиации И. И. Проскуров и Е. С. Птухин³⁰...

Арестованные генералы К. А. Мерецков, П. В. Рычагов и И. И. Проскуров, судя по всему, должны были стать ключевыми фигурантами грандиозного судебного процесса. В ядро «заговорщиков», вероятно, должны были также войти все предвоенные руководители Военно-воздушных сил страны. Кроме упомянутого П. В. Рычагова, это дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич и бывший командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник А. Д. Локтионов³¹ (все трое в разное время возглавляли ВВС РККА).

Среди арестованных – начальник Управления ПВО Наркомата обороны СССР Герой Советского Союза генерал-полковник Г. М. Штерн, начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант авиации Ф. К. Арженухин, начальник НИИ ВВС, начальник летно-испытательного центра генерал-майор авиации А. И. Филин и другие летчики³².

Всего в 1941 году было арестовано около 30 известных в стране военных авиаторов и командиров, имеющих непосредственное отношение к авиации. 8 из них были Героями Советского Союза. Большинство имело опыт боевых действий в Испании, в районе реки Халкин-Гол и озера Хасан или в Финляндии.

После столь масштабного разгрома авиационных кадров, приведшего к оголению многих ключевых должностей, становятся более понятными и объяснимыми причины (а их немало) практически полного уничтожения нашей военной авиации в первые дни войны³³.

Казалось бы, первые трагические дни войны должны охладить горячие головы инициаторов расправы над летным комсоставом. Но этого не произошло. Ставка на страх перед репрессиями сохранилась. Вслед за генералами Рычаговым и Проскуровым, уже после фашистского вторжения были арестованы: командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор авиации А. П. Ионов и командующий ВВС Юго-Западного фронта Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Е. С. Птухин, начальник штаба ВВС РККА генерал-майор авиации П. С. Володин, начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант авиации Ф. К. Арженухин.

Аресты продолжились и в июле: командующий ВВС Западного фронта генерал-майор авиации А. И. Таюрский (8 июля), командир 9-й смешанной авиадивизии генерал-майор авиации С. А. Черных (8 июля), командующий ВВС Дальневосточного фронта генерал-лейтенант авиации К. М. Гусев (11 июля)³⁴, начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта генерал-майор авиации Н. А. Ласкин (12 июля)...

До 2006 года время и место осуждения генерал-майора авиации С. А. Черных, и даже вмененные ему в вину статьи Уголовного кодекса, в различных публикациях указывались по-разному. Чаще же перепечатывалась стандартная фраза о том, что Черных бежал с фронта, был обнаружен в Брянске и расстрелян по приговору Военной коллегии как дезертир.

На самом деле все обстояло несколько иначе. Автору впервые удалось тогда разыскать архивные документы, которые пролили свет на обстоятельства ареста и суда С. А. Черных.

³⁰ Это наиболее вероятная дата ареста, в других архивных документах упомянуты как даты ареста Е. Птухина – 24 июня и 3 июля 1941 г.

³¹ На момент ареста – в распоряжении НКО.

³² См. Архив президента РФ, ф.3, оп. 24, д. 378, л. 196—211; Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия 1938—1941. М. Вече. 2003.

³³ В первый день войны было уничтожено около 1200 самолетов ВВС РККА; только в частях ВВС Западного фронта – 738 самолетов, из них 528 на аэродромах.

³⁴ Это наиболее вероятная дата ареста, называются и другие даты.

Из материалов надзорного производства Военной коллегии по этому делу видно, что С. А. Черных был действительно арестован в г. Брянске 8 июля 1941 года³⁵. Арест произвели работники 4 отделения 2 отдела 3 управления НКО СССР. Генерала обвинили в том, что он «в период начала военных действий... проявил преступное бездействие..., в результате чего налетом фашистской авиации на аэродромы дивизии было уничтожено около 70% ее материальной части». Кроме того, «находясь в ночь на 27 июня 1941 г. на Сещенском аэродроме и приняв прилетевшие на этот аэродром три советских самолета за фашистские, проявил трусость, объявил бесцельную тревогу, а затем, бросив руководство личным составом дивизии, на грузовой автомашине бежал с фронта в г. Брянск, где распространял провокационные измышления о том, что противник якобы высадил десант на Сещенском аэродроме»³⁶.

Сразу отметим, что приведенные выдержки из описательно-мотивировочной части обвинительного заключения не вполне стыковались с резолютивными выводами следствия и приговором суда. В частности, статья Уголовного кодекса об ответственности за преступное бездействие, фактически генералу Черных не вменялась в вину. В приговоре Военной коллегии от 28 июля 1941 года фигурирует только ст. 193—21 п. «б» УК РСФСР, предусматривавшая ответственность за самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, совершенное при особо отягчающих обстоятельствах.

На основании этой статьи генерал-майор авиации С. А. Черных был приговорен к расстрелу, с конфискацией имущества³⁷ и лишением воинского звания. Приговор привели в исполнение 16 октября 1941 года в г. Москве.

Какие распоряжения отдавались С. А. Черных в первые дни войны известно. Но в чем выразилось его «самовольное отступление от данных для боя распоряжений» не совсем понятно.

22 июня фашисты охватили дивизию с трех сторон. Разрывы немецких бомб одновременно разорвали утреннюю тишину в местах дислокации авиаполков дивизии – в Белостоке и Себурчине, Высоке-Мазовецке и Тарново, Бельске и Долубово. Хотя первый налет был мощным, немало боевых машин уцелело. Однако, как отмечается в ряде исторических трудов, командир дивизии растерялся и не принял своевременных мер по рассредоточению самолетов. В последующих налетах многие из уцелевших машин были уничтожены.

В материалах дела о действиях командира дивизии в эти дни, со ссылкой на его показания на следствии и в суде, сказано следующее: «По приказу командования ВВС Западного особого военного округа части дивизии в конце мая 1941 года были перебазированы на лагерные аэродромы, расположенные в 10—15 километрах от границы, запасных аэродромов дивизия не имела. В ночь на 22 июня 1941 года он получил указание командующего 10 армией (9-я САД была придана этой армии – авт.) о разбронировании ИЗ и приведении частей дивизии в боевую готовность. Эти указания им были выполнены. Ранее, 21 июня 1941 г., он по своей инициативе созвал совещание командиров полков, перед которыми поставил задачу – быть в боевой готовности, а после первого налета противника дал указание полкам подняться в воздух»³⁸.

Эти действия командира дивизии в целом были правильными. Что касается рассредоточения самолетов после первого удара, то здесь надо иметь в виду следующее обстоятельство. Из имеющегося в деле объяснения командира 126-го истребительного авиаполка Немцевича видно, что «в шестом часу утра 22 июня 1941 года после налета фашистской авиации была получена радиограмма за подписью Черных: «Самолеты рассредоточить». Но далее указывалось – «от ответа на провокацию воздержаться». В докладной записке начальника 3 отделе-

³⁵ Архив военной коллегии, надзорное производство №4-н 3218/58, с. 15

³⁶ Там же, с. 2

³⁷ Принадлежавший Черных автомобиль «М1» по утверждению личного водителя генерала Г. К. Клока был передан по акту Василию Сталину

³⁸ Архив военной коллегии, надзорное производство №4-н 3218/58, с. 2

ния дивизии Голованова, которая также имеется в деле, отмечалось, что «такое распоряжение командование дивизии получило из штаба ВВС ЗапОВО»³⁹. Между тем, именно заявление Немцевича о радиограмме за подписью командира дивизии послужило одним из оснований для обвинения С. А. Черных в преступном бездействии.

В составленном по запросу Главной военной прокуратуры заключении Генерального штаба Вооруженных Сил СССР от 6 февраля 1958 года говорилось: «К началу войны 9-я САД для ведения боевых действий была не подготовлена... Чрезмерно близкое расположение частей дивизии к границе не соответствовало ее боевой подготовке и одновременно способствовало противнику в нанесении внезапного удара по аэродромам дивизии. Запасных же аэродромов дивизия не имела... Несмотря на то, что... со стороны штаба ВВС ЗапОВО руководство авиасоединениями вообще не осуществлялось, Черных по своей инициативе поставил боевые задачи полкам, выполняя которые личный состав дивизии 22 июня 1941 г. вел воздушные бои с превосходящими силами противника, сбив при этом 19 неприятельских самолетов»⁴⁰.

Действительно, уже в первые часы войны некоторые авиаполки 9-й авиадивизии оказал врагу достойное сопротивление. Например, командир 129-го ИАП капитан Ю. М. Беркаль, на свой страх и риск, объявил в полку боевую тревогу. В 4. 05. три эскадрильи были подняты в воздух и вступили в бой, сбив три немецких самолета⁴¹.

Оценивая действия генерала надо также учитывать, что дивизия, которой командовал С. А. Черных, лишь накануне войны начала проводить перевооружение на новые истребители МиГ-3. Соединение получило 233 МиГа – почти пятую часть самолетов этого типа, поступивших в ВВС Красной Армии к началу войны. Дело с их освоением обстояло крайне плохо. Только 61 летчик в общих чертах изучил новые машины. Но боевое применение практически никто не успел отработать. Опыт налета на МИГ-3 отсутствовал практически у всех летчиков. Сам командир летал на этом истребителе всего один раз. К тому же, самолеты требовали доводки, нередко срывались в штопор, имели немало производственных и конструктивных дефектов.

Тем не менее, на тот период это были самые совершенные машины. Их уничтожение немецкой авиацией, нанесшей серию мощных ударов по аэродромам и базам 9-й авиадивизии, явилось для всех страшным ударом, трагедией, катастрофой. И в первую очередь – для командира. Ведь дивизия лишилась 347 самолетов из 409 имевшихся⁴². 9-я САД практически перестала существовать

Проведенной Главной военной прокуратурой в 1958 году дополнительной проверкой была доказана необоснованность обвинения С. А. Черных «в том, что он, проявив трусость, бежал с фронта и распространял провокационные слухи»⁴³. Но то, что генерал действительно был тогда потрясен, потерян, раздавлен произошедшим не отрицалось никем. Из показаний В. Васильева⁴⁴ и Валуева видно, что перебазировавшийся вместе с остатками дивизии на Сещенский аэродром генерал Черных находился в состоянии сильного нервного расстройства. Касаясь эпизода с объявлением им боевой тревоги, Валуев пояснил также, что это могло произойти потому, что самолеты, которые генерал ошибочно принял за неприятельские, появились над аэродромом без предупреждения и посадку производили беспорядочно. Последующие дей-

³⁹ Там же, с.3

⁴⁰ Там же, с. 3—4, 9, По другим данным, летчики истребительных авиаполков 9-й САД в первые дни войны сбили в воздушных боях 85 фашистских самолетов.

⁴¹ По одному Не.111 сбили летчики А. Соколов, А. Кузнецов, В. Николаев.

⁴² По другим данным – по состоянию на 22 июня 1941 г. в 9-й САД дивизии было 429 самолётов, в том числе 74 неисправных.

⁴³ Текст определения приведен в приложении №3.

⁴⁴ Начальник Сещенского гарнизона.

ствия командира, выразившиеся в поспешном отъезде с аэродрома в г. Брянск, где он просил командира 51-й танковой дивизии выделить ему отряд бойцов для освобождения аэродрома от немецкого десанта, подтверждают этот вывод.

Советские самолеты С. А. Черных действительно принял за немецкие. Сказалось, конечно, его состояние. Начальник политотдела 51-й танковой дивизии (в начале июля преобразована в 110-ю ТД) полковой комиссар В. П. Широков, допрошенный по этим обстоятельствам в 1958 году, пояснил, что С. А. Черных действительно производил впечатление «психически травмированного человека».

Отсутствие опыта и состояние «нервного потрясения» не могли не сказаться на эффективности руководства подчиненной дивизией. Все это усугубили ошибки, допущенные вышестоящим командованием. Историки, например, отмечают, что в округе была запущена работа по организации управления авиацией. Не все действия командующего ВВС Западного фронта генерала И. И. Копца в первые часы войны были разумными и целесообразными. Так, приказом №1 от 22 июня 1941 года он передал авиадивизии в оперативное подчинение командующим армиями. Такое решение было ошибочным. Авиачасти стали неуправляемыми, не имели указаний о порядке выхода из-под удара, а их командиры не знали, что происходит на других аэродромах. Сказалось и то, что опытный начальник штаба ВВС округа полковник С. Худяков находился в это время в госпитале в Москве⁴⁵. А его заместитель по тылу полковник П. Тараненко, исполняющий 22 июня обязанности начальника штаба, не имел опыта оперативной работы.

Генерал-майор авиации И. И. Копец был храбрым летчиком-истребителем⁴⁶. Но, как и большинство «испанцев», не успел приобрести опыт командования крупным авиационным объединением. Узнав о колоссальных потерях ВВС Западного фронта в первый день войны, он застрелился. Сменивший его генерал А. Таюрский пробыл на этой должности совсем немного. Вскоре, как и С. Черных, он оказался под следствием и также был расстрелян.

С. А. Черных посмертно реабилитирован 5 августа 1958 года.

---

⁴⁵ Военная Фемида настигнет С. А. Худякова (Ханферянц Арменак Артемович) после окончания войны, когда он будет уже маршалом авиации. 14 декабря 1945 г. его арестовали, а 18 апреля 1950 г. Военная коллегия приговорила маршала по ст. 58—1 п. «б» и 193—17 п. «а» УК РСФСР к расстрелу.

⁴⁶ И. И. Копец вместе с С. А. Черных добровольцем воевал в Испании и за личную храбрость также был удостоен звания Героя Советского Союза.

3. Место расстрела неизвестно

Генерал-майор Салихов Маркис Бикмулович (1896—1946) – род. в дер. Тавлино Казанской губернии. В 1915—1918 служил в русской императорской армии, унтер-офицер. Участник гражданской войны. В 20—30-е годы командовал стрелковыми подразделениями, затем 173-м стрелковым полком 58-й стрелковой дивизии. С апреля 1940 года – командир 60-й горнострелковой дивизии. 21 июля 1941 г. осужден военным трибуналом Южного фронта на 10 лет лишения свободы, с отсрочкой исполнения приговора и снижением в воинском звании до полковника. Командовал 980-м полком 275-й стрелковой дивизии. В августе 1941 г. попал в плен. Содержался в лагерях Замостье (Польша), Хаммельбург (Германия) и др. Приказом ГУК НКО СССР №370 от 11 января 1942 г. исключен из списков РККА как погибший в бою. По некоторым данным в 1943 г. перешел на службу к Власову, командовал частями «Русской освободительной армии». 21 июня 1943 г. Военной коллегией Верховного суда СССР заочно осужден по ст. 58 – 1 п. «б» УК РСФСР к высшей мере наказания. В мае 1945 года был задержан советскими войсками в Чехословакии. 1 августа 1946 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР за измену Родине был повешен.

Генерал-майор Галактионов Сергей Гаврилович (1896—1941) – род. в дер. Новоникитино Оренбургской губернии. Участник Первой мировой и гражданской войн. С июня 1937 г. – командир 323-го стрелкового полка. С января 1938 г. – командир 81-й стрелковой дивизии. С августа 1939 года – командир 30-й Иркутской горнострелковой дивизии. 21 июля 1941 г. осужден военным трибуналом Южного фронта по ст. 206—17 УК УССР (халатность и бездействие) к расстрелу, с лишением воинского звания генерал-майор. Определением Военной коллегии от 29 мая 1961 г. приговор от 21 июля 1941 г. отменен и дело в отношении С. Г. Галактионова производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Генерал-майор Байдалинов Сергей Артемьевич (1895—1941) – род. в г. Луганске. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны и боевых действий по ликвидации басмачества в Средней Азии. В 30-е годы командовал 10-м Туркестанским горнострелковым полком, 58-м стрелковым полком Особой кавалерийской бригады. С 1939 г. – командир 83-й Туркестанской горнострелковой дивизии. Награжден орденами Красного Знамени (1923) и Красной Звезды (1933). Арестован 12 июля 1941 г. по обвинению в совершении контрреволюционного преступления. Осужден и расстрелян. Определением Военной коллегии от 30 октября 1958 г. посмертно реабилитирован.

16 июля 1941 года И. В. Сталин подписал постановление Государственного комитета обороны (ГКО-169сс, №00381). Несмотря на секретность с двумя нулями, постановление предписывалось прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, авиаэскадрильях. В нем указывалось, что «Государственный Комитет Обороны по представлению Главнокомандующих и командующих фронтами и армиями арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций» нескольких генералов. В частности, в постановлении говорилось о предании суду военного трибунала:

- командира 60-й горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Салихова и его заместителя полкового комиссара Курочкина;
- командира 30-й горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Галактионова и его заместителя полкового комиссара Елисеева.

После ареста генералов С. Г. Галактионова, М. Б. Салихова и их заместителей-комиссаров обвинили в развале управления войсками, преступной бездеятельности и сдаче занимаемых позиций без боя.

Война для 60-й горнострелковой дивизии началась 22 июня 1941 года на участке границы южнее г. Черновицы (с 1944 г. – Черновцы). Отбив атаки противника, дивизия в ночь с 23 на 24 июня провела успешную контратаку и в районе Кашенки отбросила врага за государственную границу.

После этого дивизию переподчинили 18-й армии Южного фронта, в составе которого она и продолжала вести оборонительные бои до 15 июля. В этот день ее возвратили Юго-Западному фронту (в составе 12-й армии генерал-майора П. Г. Понеделина). Но, судя по всему, возвратили уже без командира, поскольку Салихов был арестован прокуратурой еще Южного фронта. Ему инкриминировалась паника, возникшая в дивизии при переправе через реку Днестр.

Дело генерал-майора М. Б. Салихова и полкового комиссара И. Г. Курочкина военный трибунал Южного фронта под председательством военного юриста 1-го ранга Доценко рассмотрел в закрытом судебном заседании 21 июля 1941 года⁴⁷.

В приговоре военного трибунала фронта отмечалось, что Салихов и Курочкин «во время боев 60-й горнострелковой дивизии и отхода дивизии на новый рубеж в районе м. Хотин и во время переправы через р. Днестр не осуществляли надлежащего руководства частями дивизии, допустили панику во вверенных им войсках. Потеряв управление частями во время отхода дивизии к р. Днестр, во время переправы частей через нее в районе м. Хотин, превратили дивизию в малоспособное соединение. Надлежащей политико-воспитательной работы в период отхода частей на новый рубеж не велось, в результате чего имело место массовое дезертирство с оружием»⁴⁸.

Трибунал приговорил генерала Салихова на основании статьи 206—17 п. «б» УК УССР с применением статьи 46 УК УССР к 10 годам лишения свободы с отсрочкой исполнения наказания до окончания войны и направлением в действующую армию и снижением в воинском звании до полковника.

Заместитель командира дивизии по политической части полковой комиссар И. Г. Курочкин был осужден военным трибуналом по той же статье на 8 лет лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и понижен в воинском звании до батальонного комиссара. 24 августа 1941 года И. Г. Курочкин погиб в бою.

Согласно приказу войскам Южного фронта №0019 от 20 июля 1941 года М. Б. Салихов, накануне суда, был понижен в должности до командира полка. Его назначили командиром 980-го полка 275-й стрелковой дивизии (второго формирования). В этой должности 28 августа в районе совхоза №1 Солонянского района Днепропетровской области М. Б. Салихов попал в плен. Содержался он во Владимиро-Волынском лагере военнопленных, затем в лагерях Замостье (Польша) и Хаммельбург (Германия).

Что касается дальнейшей судьбы Салихова, то надо признать, что она напоминает детективную историю. И до сего времени существует несколько версий о его жизни после немецкого плена.

Начнем с того, что в СССР каких-либо данных о пленении М. Б. Салихова не имелось. Поэтому приказом Главного управления кадров Наркомата обороны СССР №370 от 11 января 1942 г. он был исключен из списков РККА как погибший в бою.

---

⁴⁷ В большинстве публикаций ошибочно указывается другая дата – 29 июля. Путаница в датах встречается и в других документах. Так приговор военного трибунала по этому делу был объявлен в приказе Южного фронта №0019 от 20 июля 1941 г.

⁴⁸ Текст приговора – приложение №4.

Между тем, с 1943 года в органы госбезопасности стала поступать оперативная информация о том, что М. Б. Салихов перешел на службу к фашистам – с апреля 1942 года работал старшим преподавателем Варшавской разведшколы, с ноября 1943 года преподавал в филиале разведшколы на станции Нойкурэн, а затем в школе резидентов – радистов в Нидерзее (Восточная Пруссия).

О том, что Салихов проводил в военное время антисоветскую деятельность, после войны свидетельствовали некоторые находившиеся с ним в плену командиры. В двухтомнике «Генерал Власов. История предательства» опубликована выписка из протокола допроса бывшего начальника артиллерии 266-й стрелковой дивизии А. Н. Севастьянова от 21 марта 1946 года. Он показал, что во время нахождения у немцев близкие отношения с Салиховым и некоторыми другими генералами «еще более усилили мои антисоветские настроения»⁴⁹.

В ряде публикаций утверждается, что в 1944 году, когда возникла идея объединить сформированные немцами татарские батальоны под руководством авторитетного генерала, на эту должность предполагался М. Б. Салихов. Ему предложили возглавить политическое руководство комитета «Идель-Урал», но он отказался.

Новое дело в отношении М. Б. Салихова было возбуждено 5 мая 1943 года. В постановлении следователь Главного управления контрразведки «Смерш» указал, что Салихов добровольно поступил на службу к фашистам и с мая 1942 года преподавал в Варшавской разведшколе под псевдонимом Османов⁵⁰.

21 июня 1943 года Военная коллегия заочно приговорила М. Б. Салихова к расстрелу за измену родине.

В мае 1945 года Салихов был задержан в Чехословакии, при попытке перейти в американскую зону оккупации. Его этапировали в Москву, где объявили приговор Военной коллегии и повесили 1 августа 1946 года⁵¹.

Между тем, розыск М. Б. Салихова органы госбезопасности прекратили только в январе 1955 года. На этом основании можно предположить – у них не было полной уверенности, что именно Салихов был задержан в мае 45-го и понес заслуженное наказание. Эти сведения согласуются с версией, выдвинутой историком К. М. Александровым. Он утверждает, что М. Б. Салихов в СССР не репатриировался и еще в 1953 г. проживал в эмиграции под именем Мирходжа Бикмуловича Ерели, оставив мемуары о событиях 41-го года, которые хранятся в Гуверовском архиве Стэнфордского университета»⁵²...

Об осуждении генерала-майора С. Г. Галактионова до издания автором книги «Война на весах Фемиды» в исторических работах также практически ничего не сообщалось. Да и сегодня сведения об этих малоизвестных страницах военной истории крайне скупы и отрывочны. Одна из причин в том, что многие судьи военных трибуналов, рассматривавшие дела в отношении окруженцев и командиров, отступивших без приказа, сами вскоре оказались в окружении. И не всем удалось из него выбраться, а тем более вывезти следственно-судебные дела.

22 июня 1941 30-я горнострелковая дивизия генерала Галактионова приняла первый бой. Произошло это у местечка Скулень, в месте форсирования немцами реки Прут. После

⁴⁹ Генерал Власов: история предательства. М. РОССПЕН. 2015. Т. 2. Кн. 2. С.263.

⁵⁰ Военно-исторический журнал. №2. 1993. с. 11—12. В исторической литературе приводятся и другие его агентурные клички – «Еникеев Кирилл Османович», «Зелимханов Ислам Кириллович», «Иванов Иван Иванович», «Абдулов Осман Абдулович», «Керимов Керим Исламович», «Семенов», «Бойко».

⁵¹ Черушев Н. Удар по своим. Красная Армия 1938—1941. М. 2003. С. 463.

⁵² К. М. Александров. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова. 1944—1945. Биографический словарь. М. «Посев». 2009; Армия генерала Власова 1944—1945. – М.: Яуза, Эксмо, 2006.

напряженных оборонительных боев через две недели от дивизии осталась одна треть личного состава.

5 июля С. Г. Галактионов и И. К. Елисеев были отстранены от должностей и вскоре арестованы. Перед военным трибуналом Южного фронта они предстали в тот же день, что и Салихов с Курочкиным – 21 июля 1941 года. Председательствовал тот же Доценко. Обвинялись по той же статье 206—17 УК УССР в бездействии, которое привело к дезорганизации частей дивизии и значительным потерям в людях и технике.

Согласно приговору осужденные, «получив боевой приказ об обороне государственной границы СССР на реке Прут и, в частности, о занятии местечка Скулень, не обеспечили его выполнение, в боях с противником проявили растерянность и нераспорядительность в управлении частями дивизии»⁵³.

С. Г. Галактионов вину в совершении преступления не признал и показал, что неудачи частей дивизии были обусловлены в основном плохой связью и нехваткой боеприпасов, о чем он своевременно докладывал вышестоящему командованию.

Генерал просил суд допросить по этим и другим обстоятельствам ряд свидетелей из числа лиц командного состава, а также провести соответствующую экспертизу. Но трибунал отклонил все ходатайства, посчитав достаточным доказательством приобщенную к делу справку «О боевых действиях 30-й СД», составленную сержантом госбезопасности Пашенко и подписанную начальником 3-го отдела армии бригадным комиссаром Вяземским.

За совершение воинского преступления, предусмотренного ст. 206—17 п. «б» УК УССР военный трибунал приговорил Галактионова к расстрелу с конфискацией имущества и лишением генеральского звания, Елисеева – к 10 годам лишения свободы, с отсрочкой исполнения приговора и направлением на фронт.

Экспертиза, о проведении которой так настаивал Галактионов, была проведена только в 1960—1961 годах, когда это дело пересматривалось в Главной военной прокуратуре. Там сразу обратили внимание на куцую справку Пашенко и Вяземского, посчитав сомнительной «компетентность указанных лиц давать анализ боевых действий дивизии» и обратились в военно-научное управление Генерального штаба. По заключению последнего, «в сложных условиях, когда противник значительно превосходил в силах и средствах, и на ход боевых действий влияла, в частности, неполная укомплектованность 30-й стрелковой дивизии, эта дивизия в первые дни войны сражалась храбро и мужественно..., упорной обороной сдерживала натиск 5 пехотных дивизий противника»⁵⁴.

29 мая 1961 года Галактионов и Елисеев были полностью реабилитированы Военной коллегией.

И. К. Елисеев встретил Победу в должности заместителя командира по политчасти 99-й стрелковой дивизии. Скончался он в 1958 году, так и не дождавшись своей реабилитации.

Документов о приведении в исполнение приговора в отношении генерала Галактионова найти не удалось.

Проживавшая в Магнитогорске его дочь, Антонина Сергеевна, неоднократно обращалась в высшую судебную инстанцию с просьбой о выдаче ей справки о смерти отца. Работники Военной коллегии провели в этой связи собственное расследование, проверив учетные данные в КГБ СССР, 1 спецотделе МВД РСФСР, управлении местами заключения МВД УССР. Изучили, кроме того, материалы секретного делопроизводства Особого отдела 30-й дивизии, 9-й армии, Южного фронта и всю переписку Военной коллегии за 1941 год по делам в отношении

---

⁵³ Архив военной коллегии, надзорное производство №2н-595.

⁵⁴ Там же, с. 7.

осужденных к расстрелу. Но донесения о приведении приговора в исполнение нигде не обнаружили.

Было установлено, что после провозглашения приговора Галактионов содержался в КПЗ г. Первомайска, а потом был переведен в тюрьму г. Вознесенска. Нашли также отношение о немедленном приведении приговора в исполнение, после утверждения приговора Военным советом. На основании этих данных дочери Галактионова сообщили в феврале 1962 года, что приговор в отношении генерала был приведен в исполнение, но место и дата расстрела неизвестны...

Завершая эту главу, надо сказать еще об одном комдиве из нашего расстрельного списка, поскольку он тоже возглавлял горнострелковую дивизию и место его расстрела и захоронения также неизвестны. Впрочем, точнее сказать – о нем вообще практически мало что известно.

Это командир 83-й горнострелковой дивизии генерал-майор Сергей Артемьевич Байдалинов.

В 1941 году таких дивизий было 19. Они предназначались для ведения боевых действий на горных направлениях. 83-я Туркестанская горнострелковая дивизия генерала С. А. Байдалинова дислоцировалась в г. Красноводске (Туркмения).

После начала войны дивизия приняла участие в совместной англо-советской операции по оккупации Ирана. Операция преследовала цель защитить иранские нефтяные промыслы от возможного их захвата германскими войсками, а также обеспечить южный транспортный коридор для поставок в СССР по ленд-лизу.

С советской стороны в Иранской операции участвовало несколько армий, в том числе части 53-й армии, сформированной в Средне-Азиатском военном округе в июле 1941 года. В их числе – 83-я Туркестанская горнострелковая дивизия, входившая в состав 58-го стрелкового корпуса генерала М. Ф. Григоровича.

С. А. Байдалинов был арестован 12 июля 1941 года по обвинению в совершении контрреволюционного преступления⁵⁵. Предположительное место ареста – Северный Иран. Когда состоялся суд, и был ли он вообще – неизвестно. Известно лишь, что генерал был расстрелян, а в октябре 1958 года полностью реабилитирован.

Других фактических данных не имеется, поскольку надзорных производств по делу С. А. Байдалинова автор не обнаружил ни в Главной военной прокуратуре, ни в Военной коллегии.

Остаются лишь догадки и предположения.

За что же расстреляли генерала С. А. Байдалинова?

Вариантов не так много.

Допустил утечку секретных сведений, которые были расценены как измена родине, вел антисоветские разговоры. Кто-то мог просто написать донос без всяких на то причин и оснований...

При попытках проследить судьбу генерала Байдалинова появляется ощущение, что его имя кто-то настойчиво пытался заретушировать, вычеркнуть из исторического формуляра минувшей войны.

Причины на то также могли быть разные.

Иранская операция проводилась в августе-сентябре 1941 года. Однако, судя по дате и месту ареста генерала, 83-ю дивизию могли ввести в Северный Иран не в конце августа, а значительно раньше.

---

⁵⁵ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937—1941. Биографический словарь. М., 2012, с. 445.

В ряде источников почему-то отмечается, что с апреля 1941 года 83-й горнострелковой дивизией командовал полковник А. А. Лучинский. Так, М. И. Казаков, вспоминая в своих мемуарах работников штаба Средне-Азиатского округа в Ташкенте («старых азиатов»), в числе других тепло отзывался о «начальнике отдела боевой подготовки С. А. Байдалинове». Но далее он писал, что в составе 53-й отдельной среднеазиатской армии, начальником штаба которой М. И. Казаков был назначен в период ввода частей армии в Северный Иран, 83-й горнострелковой дивизией командовал полковник А. А. Лучинский⁵⁶. Между тем, по документам С. А. Байдалинов командовал дивизией с 5 мая 1939 г. по 1 ноября 1941 г., а А. А. Лучинский – со 2 ноября 1941 г. по 4 марта 1943 г.

Следующий момент. Кому-то понадобилось перенести дату ареста Байдалинова и суда над ним с июля 1941, на июль 1942 года. Об этом сказано в известной публикации А. А. Степанова⁵⁷. Вряд ли это случайная опечатка.

М. Черепанов связывает секретность и наличие «белых пятен» в деле С. Г. Байдалинова с тем обстоятельством, что советские войска, по его мнению, фактически вошли в Иран не в конце августа, а 22 июня 1941 года, сразу после нападения немцев на СССР⁵⁸. При этом он ссылается на воспоминания военнотружущего 83-й горнострелковой дивизии Ф. Галимова, которые опубликованы в книге «Дороги солдатские» (Казань. 1998).

М. Черепанов писал: «Могла ли советская дивизия по личной инициативе своего командира перейти границу Ирана без приказа? Конечно, нет. Тем не менее, генерал-майор С. А. Байдалинов был арестован уже на территории Ирана 12 июля 1941 года. Ему было предъявлено обвинение в нарушении приказа и вынесен приговор – высшая мера наказания. Расстрелян комдив был незамедлительно (реабилитирован 30 октября 1958 года)».

---

⁵⁶ Казаков М. И. Над картой былых сражений. М. Воениздат. 1971. с. 71—77.

⁵⁷ Военно-исторический журнал. №12. 2008.

⁵⁸ Черепанов М. «Параллельная» война, или Белое солнце иранской пустыни (на сайте – <https://www.business-gazeta.ru/article/314967>).

4. За сдачу в плен без сопротивления

Генерал-майор Цирульников Пётр Гаврилович (1900—1985) – род. в дер. Кирилловка Калужской губернии. В Красной армии – с 1919 г. Участник гражданской, советско-польской и советско-финской войн. В 1939 г. назначен командиром 51-й стрелковой дивизии. В октябре 1941 г. попал в плен, но вскоре бежал. 18 февраля 1942 г. был арестован по обвинению в преступном руководстве войсками и потере управления дивизией. 29 января 1944 г. уволен из рядов РККА. В течение десяти лет без суда и следствия находился в заключении. В 1952 г. осужден Военной коллегией по ст. 193—17 п. «б» УК РСФСР на 12 лет лишения свободы. В августе 1953 г. – реабилитирован, восстановлен в звании и в рядах Вооружённых сил.

Самая большая проблема, с которой командование Красной армии столкнулось в начальный период войны, – это паническое бегство с поля боя, массовое дезертирство бойцов и командиров. Убегали в одиночку, группами и целыми подразделениями.

То, что произошло в июне 41-го, явилось для многих бойцов и командиров шоком. Долгие годы говорить об этом было не принято. Известны слова Г. К. Жукова о том, что газеты стесняются писать о неустойчивости и бегстве наших войск, заменяя все термином «вынужденный отход». Это не так – говорил маршал – войска были и неустойчивыми, бежали, впадали в панику⁵⁹. В первом издании мемуаров другого маршала, К. К. Рокоссовского, цензура убрала из текста слова о «шоке», которому подверглись наши войска в 1941 году, и о том, что потребовалось длительное время для вывода их из этого состояния. Добавим – не только время, но и чрезвычайные репрессивные меры. Спектр их был довольно широк. Бежавших с поля боя расстреливали во исполнение приговоров военных трибуналов, решений командования или военных советов, стреляли бойцы заградительных отрядов, активно действовали сотрудники особых отделов. Широко были распространены вообще никем не санкционированные и беспричинные расстрелы.

---

⁵⁹ Об этом Г. К. Жуков в 1965 г. рассказал преподавателю Академии Генштаба В. Анфилову. Интервью впервые опубликовано в газете «Коммерсантъ» 20.06.1998.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.